

Во двореке на Кооперативной, в тесном соседстве с детской библиотекой, открылся Театр под руководством Армена Джигарханяна. «Дети мои» — так называет Армен Борисович своих учеников — выпускников актерского факультета ВГИКа, ради которых он нарушил ход своей жизни и отправился на поклон к чиновникам, чтобы помогли организовать театр. Ради этих ребят он, собственно, и живет.

Армен ДЖИГАРХАНЯН:

У АКТЕРА ДОЛЖНЫ БЫТЬ СЕКРЕТЫ

ОТ ЗРИТЕЛЯ

ПОСЛЕ УХОДА ИЗ ТЕАТРА ИМЕНИ ВЛ. МАЯКОВСКОГО НАРОДНЫЙ АРТИСТ СССР А.ДЖИГАРХАНЯН КРУТО ПОМЕНИЛ ПРИВЫЧНЫЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ

— Создавая свой театр, каждый художник руководствуется личными мотивами: кто-то чувствует в себе нераскрытый режиссерский дар и желает реализовать его; у кого-то — избыток творческих сил, и он хочет поделиться своим опытом с молодыми актерами. Вероятнее всего, у вас тоже что-то такое созревало внутри, прежде чем вы, Армен Борисович, решились на создание нового молодежного коллектива?

— Уже давно я чувствовал, что существует огромный разрыв между обучением актера и его последующим становлением. Переход от ученичества к профессии — очень трудное время, от него многое зависит в будущем, примерно как в жизни: переход от юноши к мужчине, от девушки — к женщине. Это самый сложный период: как психологически, духовно, так и физиологически. И если при этом рядом нет людей, которые тебя направляют и подсказывают, то происходят непоправимые вещи. Думаю, что и Табаков, и Фоменко, создавая свои театры, руководствовались сходными соображениями.

— Итак, ваш театр существует для того, чтобы...

— Чтобы обучать, закалять, обжигать, давать ход естественному художественному отбору... Ведь театральному ремеслу нельзя научить за четыре года, этому учатся всю жизнь.

— Что вам лично дает ваш театр?

— Во-первых, мои ученики трудоустроены. Во-вторых... К примеру, если на улице холодно, а вы купили сестре или брату теплый свитер, то что при этом испытываете?

— Мне приятно.

— Вот именно: приятно на душе.

— Насколько я знаю, в театре работает вся ваша семья...

— Да, жена помогает. Она мне и раньше помогала, когда мы преподавали в институте. Сын тоже захотел быть в театре, он теперь не представляет своей жизни вне сцены.

— Но он был журналистом?

— Он жил в Америке два года, работал там в газете, потом вернулся. И... неожиданно заболел искусством. Вообще все не так просто: ему 31 год, актерской профессией

своем театре выступаю, но спектаклей не ставлю, так как не чувствую в себе призвания к режиссуре.

— Один из видных деятелей сказал, что до сих пор не нашлось трагической роли, достойной Джигарханяна. Он прав?

— Не знаю, о внутреннем потенциале человека очень трудно судить. Мы можем только фантазировать — например, если бы я занимался штангой, то поднимал бы вес до 150 килограммов. То же самое и с ролями. Что-то я сыграл, что-то недоиграл. Но стараюсь жить конкретным: вот завтра у меня этот спектакль, послезавтра другой и так далее...

— Кинорежиссерам вы известны как безотказный актер, но от

потом ставим на них «Гамлета». Для критиков, чтобы они сказали: «Гамлет» — это настоящее искусство!». Ну кто вообще может определить, где кончается искусство, а где оно начинается? Это такой вечный спор. Игра на балалайке — это искусство или нет? По моему, искусство, если играть хорошо. Но ведь и на скрипке можно играть плохо.

— А реклама? Те же артисты считают, что участвовать в рекламе — ниже их достоинства, а вы — снимаетесь?

— Пусть не снимаются. А мне, например, интересно, как это происходит, что из себя представляет. И еще, я всем об этом рассказываю, когда меня первый раз пригласили в рекламу, то предложи-

— Вы верите в будущее вашего театра?

— Если бы я хоть на секунду сомневался, то встал бы и ушел. Правда, не знаю, нужно ли наше творчество всему человечеству. Но тем, кто в этом театре работает, нужно. Когда я знаю, что моя рука, мое плечо нужно кому-то, образуется некое сообщество, и дело движется...

— А что, по-вашему, происходит сейчас с театром вообще?

— Знаете, когда я выхожу на сцену, то у меня ощущение, что без театра никто жить не может. Когда я сижу в зале, то мне начинает казаться, что в театр приходят одни любопытные. Один человек на станции техобслуживания как-то спросил меня: «А вы в каком театре работаете?» Я ответил: «В Театре

Труда. — 1997. — 21 ноября. — с. 18.

Фото Андрея ГОРЬЕВА.

не владеет, только-только начинает делать первые шаги... Ну, как говорится: поживем — увидим!

— Наверное, мало кому известно, что драматическое расставание с Театром имени Вл. Маяковского (после 27 лет работы в нем) у вас произошло после того, как вашему коллективу не дали арендовать один из его залов...

— Никакого драматизма в этом не было. Не дали, ну и Бог с ними, значит, у них на то были свои причины...

— И так просто ушли? Когда-то вы называли Театр имени Маяковского своим домом, и вдруг...

— Из дома тоже человек уходит.

— Но для этого должны быть веские причины.

— Такой одной главной причины я вам назвать не могу. Наверное, что-то накапливалось, может быть, усталость. Но, повторяю, я не чувствую никакого драматизма в этом уходе: так, значит, нужно было. И копать в этом не хочу! Посмотрим: сможем жить друг без друга или нет. Вот и все. Надо вперед двигаться, а не назад. Жизнь не стоит на месте.

— После ухода из Маяковки вы стали работать меньше?

— Нет! Я всегда много работал, и работа по-прежнему есть. Так что все нормально. Играю в спектакле «Ленкома» «Варвар и еретик», еще в двух антрепризах, потом в

некоторых ролей все-таки отказывались. По каким причинам?

— По разным: времени не было, роль была неинтересная, сценарий не устраивал. Хотя бывало, что ошибался, надумывал одно, а выходило все по-другому. Так вообще бывает в жизни. У Достоевского есть гениальная фраза: «самоотравление собственной фантазией». Все мы в большинстве случаев являемся заложниками этого «отравления», выстраиваем какую-то абстрактную реальность, а при столкновении с действительностью получается, что жизнь гораздо интереснее.

— Критики бранят антрепризу, говорят, что это не путь русского искусства...

— Антреприза — это очень хорошая вещь. Да, я за стационарный театр, когда «театр — мой дом», как говорил Островский. Но антреприза тоже имеет право на жизнь. Хорошо, если можно собрать команду актеров на один спектакль и ездить с ним по городам. Объединяясь таким образом, можно извлекать художественную, экономическую и какую угодно пользу. Главное решить: для чего ты это делаешь. Даже если хочешь просто заработать деньги, то и это хорошо. Зарабатываем деньги, а

ли за день работы мою полугодичную зарплату в театре.

— То есть для вас важен и вопрос денег?

— Да, а почему нет?

— У россиян какое-то сложное отношение к деньгам. Вы как к ним относитесь?

— Очень хорошо. Если бы мы дожили до коммунизма, как нам обещали, то, может быть, они были бы не нужны, а пока мне без них даже бутерброд не дадут. Делать же вид, что я — святой, не хочу: у меня есть семья и люди, которых я должен кормить, чтобы они творили, так как пока бытие в немалой степени определяет сознание.

— Когда Резо Габриадзе приехал в Москву руководить театром кукол, его сразу же спросили, есть ли у него «крыша» от рэкетиров. У вашего театра есть такая «крыша»?

— Единственная наша «крыша» — это государство. Благодаря Юрию Лужкову мы — муниципальный театр. Какие к нам претензии? Мы голые, мы босые, у нас ничего нет...

Маяковского. «Ой, — говорит, — там в буфете пиво очень хорошее... Вообще, если совсем быть циником, то думаю, все, что мы делаем, это некое самоудовлетворение. Вот выступаю я на сцене, и мне кажется, что в зале праздник от этого — все смеются, плачут — и гордость поднимает меня до небес.

— Говорят, что у вас потрясающее чувство юмора и на съемках фильма «Здравствуйте, я ваша тетя» вы страшно «кололи» партнеров. Они буквально умирали со смеху, и из-за этого возникло какое-то невероятное количество загубленных кадров. Вы можете рассказать, как это было?

— Там вся компания была с чувством юмора. А случаи в работе — это наши внутренние дела, и о них не обязательно рассказывать. Вот Пушкин писал стихи, их теперь читают из поколения в поколение, а чем он болел при этом, что ел и пил — это никому не надо бы и знать. В искусстве действуют законы таинства и загадки, которые зрители должны отгадывать. А когда вы все обо мне знаете, то я вам уже неинтересен.

— Но человек бесконечен.

— Человек — это маленький кувшин, и там немножко-о-о-о налито чего-то. Нолито, как говорят. Все, все имеет свои пределы, и как только вы добираетесь до этих пределов, вам становится скучно.

— Ваш последний спектакль о театре заканчивается словами о любви. Значит ли это, что любовь — непереносимое условие существования театра?

— Я думаю, что жизнь вообще — пустыня без любви. Если любви нет, все остальное — обман, и мы только обманываем друг друга. А театр — это квинтэссенция любви!

Вела беседу Наталья БОНДАРЕНКО.